

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

В. Б. ШЕПЕЛЕВА

НЕКЛАССИКА, ПОСТМОДЕРНИЗМ, ПОСТНЕКЛАССИКА И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА*

В статье предпринимается попытка определиться с параметрами постнеклассической познавательной парадигмы, её отличиями от неклассики и постмодернизма с учётом современной хаотизированной теоретико-методологической ситуации в социально-гуманитарном знании и в отечественной историографии.

Ключевые слова: неклассика, постмодернизм, постнеклассика, синергетика, нелинейность, вероятностность, историзм.

Нам уже доводилось упоминать о путанице или разноречиях в употреблении терминов «неклассика» и «постнеклассика»¹. Целый ряд вопросов обнаруживается по поводу разведения понятий «неклассика» и «постнеклассика» в тексте фундаментального труда известного философа-эпистемолога В. С. Стёпина «Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. Формулировки, увязывающие «современную науку», «современность» с неклассикой, скорее, не исключение здесь, а правило². Но в таком случае — где место постнеклассике, тем более, что в главе, посвященной неклассической науке, напрямую «работают» не просто синергетические аргументы, но и ученые-синергетики³? Некоторые авторские параметры неклассики, пожалуй, небесспорны ввиду своего, как представляется, постнеклассического содержания. Речь о «вероятностной причинности» как естественной вероятности в физическом мире, отказе от «методоло-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

¹ См., напр.: Стенгерс. 2000. С. 20, 96.

² Стёпин. 2003. С. 204, 229, 247, 392-401, 403, 613.

³ См.: Там же. Гл. V. С. 396-405.

гии элементаризма» (но см. позиции А. Эйнштейна, С. Хокинга и других, поныне поиски «скрытых переменных» среди атемпоралистов, «неклассиков» по В. С. Стёпину), о выборе в пользу холистского подхода (но см. резкий антихолизм «второго позитивизма», К. Поппера как социального философа, тем более П. Фейерабенда, и предположения самого автора относительно возможного «перехода на позиции абсолютного плюрализма и релятивизма «постпозитивистов» вообще); речь о представлениях относительно мира как об иерархии различных порядков (ср. синергетическое о целом как иерархии темпомиров), об элементарных частицах как динамических структурах, «энергетических пучках» и материи, «пребывающей в непрерывном танце и вибрации»; речь о сложных саморегулирующихся, самоорганизующихся системах, об открытом мире, открытой науке, и может быть особенно — об историзации и диалектизации науки и философии науки и т.д.⁴ В то же время в тексте иногда прочитываются постпозитивистские формулы, построения, в том числе прямо переходящие в постмодернистские (сюжеты о П. Фейерабенде, Ж. Бодрийяре и т.п.), как контекстно постнеклассические (ибо «новейшие») или как непосредственно таковые; порой характеристики существенных ситуаций, касающихся, скажем, картины мира, норм и оснований науки таковы, что непонятно, о неклассике или постнеклассике идет речь⁵.

Попробуем разобраться в соотношениях: постмодернизм, неклассика и постнеклассика, притом что смешение, отождествление сущностей постмодернистских и постнеклассических — распространенное сегодня явление в отечественной социально-гуманитарной литературе. Причем далеко не в качестве неких небрежностей. Убедительное свидетельство тому — тексты энциклопедического уровня. В частности, Н. Б. Маньковская в статье «Деконструкция» пишет «об органической связи (постмодернистской по контексту) постфилософии с постнеклассическим научным знанием» (С. 215), а раскрывая содержание понятия «постмодернизм», утверждает: «В “силовое поле” постмодернистской культуры попала постнеклассическая наука... Представители точных наук трактуют постмодернизм как стиль постнеклассического научного мышления»; хотя тут же подчеркивает, что «постмодернистская эстетика берет на вооружение неклассическую

⁴ См.: Там же. С. 391-402, 558, 576, 602-610 и др.

⁵ Там же. С. 612-613, 615-616, 624-625.

трактовку классических традиций», пишет о «работе» в пределах постмодернистской эстетики неклассической онтологии и противопоставляет в итоге «постмодернистскую» эстетику именно классике (С. 668-670), как-то не замечая, что отсюда следует одно: «постмодернистская эстетика», «постфилософия» соотносимы с неклассикой.

С другой стороны, в статье редактора упоминаемого философского энциклопедического словаря А. А. Ивина «Историзм» сообщается, что «в неисторических науках, подобных физике, химии... мир понимается как постоянное повторение... в их основе лежит временной ряд... исключаящий “настоящее” и “стрелу времени”...»⁶ и т.д. Словно бы синергетики нет и не было, и, по меньшей мере, будто бы «науки, подобные физике, химии», никакого отношения к ней не имеют. Добавим, в 1999 г. была опубликована статья В. П. Бранского «Социальная синергетика как постмодернистская философия истории». И эти примеры можно множить и множить⁷.

В этой связи есть необходимость детальнее остановиться на феномене «неклассики» — звене, этапе, эпохе между «классической» познавательной парадигмой и «постнеклассической», что вроде бы и признается сегодня (нередко вместо «постнеклассики» используют понятие «синергетика»), но, как показано выше, не без проблем. Упомянутая ранее фигура К. Р. Поппера представляется в данном отношении вполне репрезентативной и удачной в силу недогматичности, эвристической настроенности математика — философа широкой специализации — социолога, претендующего на «-изм» на базе собственного имени и фигурирующего в работах как В. С. Степина, так и пригожинцев в связи и с неклассикой, и с постнеклассикой.

Заметим сразу, что оценки, даваемые Попперу, весьма неоднозначны и в силу, как представляется, противоречивости, подвижности, порой смутности его позиций. Один из ведущих отечественных «попперианцев» В. Н. Садовский (дефиниция самого автора)⁸, откровенный поклонник предмета своих профессиональных изысканий, приводит взаимоисключающие одновременные оценки попперовской «Логике научного исследования» со стороны двух лидеров

⁶ Ивин. 2004. С. 338.

⁷ Бранский. 1999. № 6. С. 116-127.

⁸ Садовский. 2002. С. 16, 17 и др.

логического позитивизма⁹ и признает, что «отношение Поппера к неопозитивизму... сложно и противоречиво...». Однако, при всех отличиях, «с неопозитивизмом Поппера роднит круг рассматриваемых... проблем и общий рационалистически-сциентистский подход к их решению». Впрочем, в той же книге, но в другой главе В. Н. Садовский сообщает: «Логическая концепция Поппера решительно противостоит модному и широко исповедуемому (в 30-х — начале 60-х гг.) неопозитивизму, или логическому позитивизму, не только по целому ряду конкретных вопросов, но... также “по поводу всей концепции науки... всей концепции человеческого знания”». Отличие видится В. Н. Садовскому, солидаризирующемуся в данном случае с Г. Сколимовским, в динамической у Поппера, а не только статической, как у неопозитивистов, интерпретации науки¹⁰.

Любопытно, что это едва ли не противоположно представлению А. Л. Никифорова, фиксирующего концепцию Поппера как «одну из самых первых *некумулятивистских* концепций развития научного знания — концепций, отвергающих преемственность... постепенное увеличение и углубление научного знания», но о чьих работах ещё 80-х гг. В. Н. Садовский в том же издании говорит как о «выполненных в хороших академических традициях», и работы с участием которого он приводит в списке рекомендуемой литературы по Попперу. Более того, антикумулятивистскую позицию Поппера, на чем настаивает Никифоров, мимоходом фиксирует позднее и сам Садовский. Да и возможно ли иное при однозначном жестком «методе проб и ошибок», безжалостном «фальсификационизме» («убийце» теорий и концепций) — в качестве важнейших ориентиров и конструкторов философа науки? Кстати, и «работающие» у Поппера понятия «история», «прогресс» науки при таком подходе вызывают сомнения по существу¹¹.

⁹ Там же. С. 10-11. Логический позитивизм или неопозитивизм, третье явление позитивизма.

¹⁰ Там же. С. 14, 132-133, 167.

¹¹ Там же. С. 147, 198; Никифоров. С. 667. Сравните «фальсификационистский» подход Поппера и соображения А. А. Любищева, цитируемыми солидарным с ним Р. Г. Баранцевым: «Прошлое науки — не кладбище с могильными плитами над навеки похороненными заблуждениями, а собрание недостроенных архитектурных ансамблей, многие из которых были не закончены не по порочности замысла, а по несвоевременности или по чрезмерной самоуверенности строителей» (Баранцев. 2003. С. 49).

Нельзя не учитывать и того, что Поппер до последних дней своих пропагандировал «открытое общество» — в т.ч. в одноименном двухтомнике, где страстно отстаивается правота «методологического номинализма» (*позитивизма!*)¹² против платоновско-аристотелевского (а следом и гегельяно-марксо-бергсоновского) эссенциализма. И вместе с тем, то «критический рационалист» (т.е. Поппер) доказывает, что «стремление к достоверности знания (или даже к его высокой вероятности) ошибочно», что и научного знания-то по существу нет — есть только догадки, гипотезы, то тут же пишет: «...истины как образца... мы, впрочем, *можем и не достичь*», и далее: «мы можем жаждать истины и даже *способны обнаруживать её* (я верю, что *во многих случаях это нам удастся*)», но при этом все равно «*универсальный критерий истины невозможен*», а истина, тем не менее, не относительна. И все эти — до взаимоисключающих — соображения, по настоянию Поппера, следует рассматривать как «радикальное лечение болезни... главной болезни философии нашего времени — интеллектуального и морального релятивизма»¹³.

Несомненно важна для характеристики попперовского «критического рационализма» позиция категорического отрицания им попыток *онтологической* интерпретации его концепции «трех миров» (фактически его картины мира), вообще заявление: «Я не знаю, что означает “*онтологический*”»¹⁴. Но в связи с отношением к «онтологическому» напрашивается вопрос, чем собственно отличаются попперовские «предрасположенности» — «космологическая и метафизическая основа всего научного творчества Поппера»¹⁵ от Маховских «элементов», из «небольшого числа» которых состоит мир, и которые, напоминаем, «представляют собой соединение физического и психического» и вряд ли сами существенно отличаются от опровергаемых «махистами» гипостазированных «жизненной силы», теплорода, эфира и проч. «флогистонов» со всеми вытекающими

¹² В частности, Э. Ильенков подчеркивал, что номинализм от средневековья через Дж. Локка, Беркли, Д. С. Милля вел в неопозитивизм — «методологический солипсизм» Р. Карнапа, вел в итоге неизбежно к отождествлению конкретного с индивидуальным переживанием (Чуринов. 2006. С. 253-260).

¹³ Поппер. Указ. соч. Т. II. С. 441, 446-447, 449 и др.

¹⁴ При том, что физическую реальность он, судя по ряду текстов, вроде бы признает (см.: Садовский. Указ. соч. С. 24, 224).

¹⁵ Там же. С. 234.

отсюда следствиями¹⁶? После ни на миг не прекращавшейся непримиримой борьбы с аристотелевским «эссенциализмом» Поппер в конце концов (1990 г.) говорит о «предрасположенностях», которые есть не просто возможности, а *физические реальности*. «Они так же реальны, как силы или силовые поля». Заметим, если «как силы или силовые поля», значит они *не* силы и *не* силовые поля. И это вроде подтверждается тем, что «предрасположенности» «присутствуют и действуют во всех трех мирах Поппера» (правда, очень противоречиво) при том, что второй из них — мир «состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний», а третий — «мир объективного содержания мышления... содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства». Однако тут же выясняется, что «в свою очередь *силы* — это *предрасположенности* приводить тела в движение, предрасположенности ускорять». Но тогда однозначное — «они *не* силы и *не* силовые поля» — не верно (вернее в таком случае было бы, скажем, — «не сводимы только к силам и силовым полям»). Но что все-таки на деле представляют собой эти, как выяснилось, имеющие какое-то отношение к силам и силовым полям и представляющие «космологическую и метафизическую основу всего научного творчества Поппера» «предрасположенности»?

Поппер, по словам Садовского, «особо подчеркнул, что «предрасположенности» следует рассматривать не как свойства, внутренне присущие объекту... а как свойства, внутренне присущие ситуации»¹⁷. Но как же быть с «силами-предрасположенностями»? И затем: свойство — это «то, что присуще какому-либо предмету и характеризует его само по себе, а не говорит о его отношении с... другими объектами», или — это «сторона предмета, обуславливающая его отличие или сходство с др. предметами и *проявляющаяся во взаимодействии с ними*» (курсив мой — В. Ш.)¹⁸. Могут ли быть сами по себе — без взаимодействия объектов, как *физические* реальности, ситуации и их свойства? На самом деле в бесчисленных ситуациях проявляются тем или иным образом (в том числе совсем неожиданным) свойства объектов — и никакого «эфира», «флогистона» тут не наблюдается, а вот ещё одна связь «критического рационализма» с эмпириокрити-

¹⁶ См.: Никифоров. 2004. С. 484.

¹⁷ Садовский. Указ. соч. С. 165-166, 234-235.

¹⁸ Философия: Энциклопедический словарь... С. 756; Философский словарь... 1986. С. 421.

цизмом, пожалуй, факт, да и, видимо, с физикализмом¹⁹ тоже. И хотя Н. С. Юлина пишет об эмерджентном реализме" К. Поппера и полемике его с друзьями физикалистами²⁰, в пользу последнего предположения работают попперовские «предрасположенности, которые есть не просто возможности, а *физические реальности*», и действуют при этом во всех «трех мирах» Поппера. При этом мир второй («мир состояний сознания») или мир субъективного сознания) и мир третий («мир объективного содержания мышления... содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства») объективно должны проходить по разряду «идеального», «духовного»²¹.

Кстати, в начале 1980-х гг. Н. С. Юлина вносит поправку, и *эмерджентный реализм* Поппера становится *эмерджентным натурализмом*. Да и сам философ настаивает на «тесной аналогии между ростом знания и биологическим ростом»²². Вообще дарвинизм, правда, в «экстравагантной» трактовке²³, пронизывая не только первый и даже не только второй, но и — очень интенсивно — третий мир Поппера, плотно присутствует в его рассуждениях, решительно отсекая «неудачников» всех видов и родов по закону естественного отбора. Получается, «эпистемологический эволюционизм» Поппера, отсчитывающий «когногенез» — историю «предрасположенностей», «знаний» сначала от животных, потом от растений, затем от появления доклеточной жизни на Земле²⁴ и, наконец, от начала начал: «эти *тенденции и предрасположенности* привели к /самому/ возникновению жизни», — имеет основания быть проведенным и по руслу «биологизма», и по линии «антропоморфизма», и какого-то, в общем, «флогистона». Во всяком случае: «от амебы до Эйнштейна... один шаг», — по словам «*эмерджентного натуралиста*»²⁵. Сам Поппер, как выясняется, считал «полезный антропоморфизм» «революцион-

¹⁹ См.: Панченко. 1991. С. 193, 194, 195; Юлина. 2004. С. 551-552.

²⁰ Юлина. 1979. № 8. С. 96-107.

²¹ Садовский. Указ. соч. С. 225-226.

²² Там же. С. 122, 253.

²³ «Экстравагантной» — по определению историка биологии Ю. В. Чайковского и по самому факту «полного игнорирования дарвинистско-эволюционистских воззрений Поппера» со стороны «профессиональных биологов-эволюционистов» (Садовский. Указ. соч. С. 146-147).

²⁴ Там же. Гл. 8. §§ III-IV. С. 140-154.

²⁵ Там же. С. 151, 166.

ным преимуществом» своей теории и «совершенно необходимым для любой теории эволюции». Правда, совершенно непонятно, *что* это за и *откуда* взялись «эти *тенденции*», которые вместе с «*предрасположенностями* привели к возникновению жизни», и что же все-таки такое «предрасположенности»? Принципиально антиаристотелевская теория знания, построенная Поппером, «начиная не с определения «*что* такое знание»... «*что* означает знание», а с анализа *конкретных примеров.../и/ утверждений* (? — В. Ш.) .../опирающихся на/ *теоретическое положение*, а именно *предположение* (? — В. Ш.)... что знания имеют характер генетически запрограммированных ожиданий», ничего здесь не проясняет²⁶. В частности, «предрасположенности» как «генетически запрограммированные ожидания» ещё до возникновения жизни — это как, кем, это что (при том, что «предрасположенности есть не просто возможности, а *физические реальности*»)?

Кроме того, как же быть, учитывая только что сказанное, с такими фундаментальными параметрами попперовской философии, как «новая гносеологическая парадигма — антифундаментализм», смысл которой «в отказе от поисков *начала познания*», когда автор *в ходе именно таких поисков* сначала пришел к убеждению, что «знания стары как сама жизнь», а затем — что они, пожалуй, и постарше, и вроде бы даже выходит, что они — «физическая реальность», но, правда, очень противоречиво (так что возможно — объективно напрашивается — это и некий неуловимый дух, но как в таком случае быть с «физическими реальностями»?). Как быть в обрисованной ситуации (исключая выведенное нами последнее следствие) с убежденностью Поппера в иррационализме («Я, — возражает мне Поппер, — рассматриваю реальность как иррациональную») плюс с его убежденностью в индетерминизме реальности («фундаментальный принцип попперовского мировоззрения — *индетерминизм*», «как хорошо известно, в основе попперовского мировоззрения лежит фундаментальный *индетерминизм*» — «ни наш физический мир, ни наши физические теории не являются детерминистскими» /К. Поппер/)²⁷ ? И все это при утверждении, что «*предрасположенности*» сначала привели к возникновению жизни, затем — развертыванию, эволюции её, что в свою очередь «привело к лучшим ус-

²⁶ Там же. С. 154-155.

²⁷ Там же. С. 24, 164, 194, 234.

ловиям жизни на Земле», поскольку «организмы (почему-то) искали лучший мир» и проч. и проч. И все это касается в конечном итоге и жизни общества: второго и третьего попперовских миров.

В общем, учитывая рассмотренные выше обстоятельства, видимо, можно признать, что противоречивые позиции Поппера чаще близки, пересекаются, порой совпадают с разными вариациями позитивизма (начиная, пожалуй, от исходных). И хотя в связи с эволюционистско-дарвинистскими поисками у философа появлялись термины, определения, образы («открытая Вселенная», «будущее открыто», «творческий мир — Вселенная», вероятности и т.д.), корреспондирующие к постнеклассике, сходство здесь, как представляется, главным образом номинальное. Отсутствует всякий раз, и в целом в теоретической конструкции Поппера, диалектика, нелинейность восприятия, как это ни странно для эволюциониста. Однако эволюция, дарвинизм интерпретируются автором (на наш взгляд) механистически, в частности, посредством «универсального» метода проб и ошибок, а диалектика оказывается «частным случаем» в рамках этого метода. И очень говоряще предстает работа одного из отечественных попперианцев, озаглавленная: «К. Поппер прав: диалектическая логика невозможна»²⁸. Да и не без причин долгое время (ещё в 1979 г.) сам Поппер определял дарвинизм как «логический трюизм», т.е. воспринимал его вполне софистски. Не случайно с самого начала в космологии автора — борьба в основном «*взаимоисключающих* предрасположенностей», а затем — борьба «предрасположенностей» и «случайностей» вокруг «реализации *сингулярного* события»²⁹. Но, следовательно (учитывая все сказанное выше), «попперианизм» — это, скорее, неклассика в широком аспекте и разных уровнях её проявлений. И примечательно, что очень сочувственно трактуемая сегодня В. Н. Садовским монография 1988 г. З. А. Сокулер определяет К. Поппера, «вопреки устоявшимся оценкам», не как «антипода» Л. Витгенштейну (оказавшемуся, в частности, у истоков «логического позитивизма»), но как имеющего в своих «установках больше общего... /с ним/, чем это может показаться на первый взгляд». «Ход его /Витгенштейна/ мыслей во многих аспектах параллелен рассуждениям Поппера, — подчеркивает автор, — /поскольку/ их творческая эволюция имеет общие истоки... теорию Поппера можно понять как приложение идей гештальт-

²⁸ Там же. С. 77, 223; Смирнов. 1995. № 1. С. 148-151.

²⁹ Садовский. Указ. соч. С. 143, 165-167.

психологов к теории научного познания, а позднюю концепцию Витгенштейна — как приложение тех же идей к философии языка»; и оба они стоят у истоков «новой гносеологической парадигмы — антифундаментализма» и т.д. Кроме того, «они, как никто другой, — по словам автора, — определили облик и эволюцию западной философии второй половины XX века», притом что в целом западная философия XX века «предстает ...как разрушитель идей и заветов *классической философии, рационализма, Просвещения*». Наконец В. А. Смирнов прямо определяет логическую систему, которую построил Поппер, и с помощью которой можно «реализовать... важные идеи попперовской философии науки», *неклассической* логикой³⁰.

И все-таки, может быть, самое убедительное в определении места К. Поппера в череде типов научной рациональности — его принципиальная приверженность до конца своей ранней социально-философской работе «Открытое общество и его враги», тем более что среди достижений философа числится концепция единства социально-гуманитарных и естественных наук. В 1991 г. Поппер писал: «В настоящий момент я чувствую, что моя книга «Открытое общество и его враги» является более важной, чем мои статьи по проблемам науки... и я хотел бы издать её в русском переводе», и в предисловии — «Письме моим русским читателям» по существу расписался под всеми основными идеями этой работы³¹.

Между тем этот основательнейший и преисполненный страстями труд философа есть следование строго линейному восприятию реальности, ярко выраженному европоцентризму, при опоре на механистический, антидиалектический подход с плоско-рыночным видением человека (реально — индивида-атома) и общества (как договорно-правовой формализованной совокупности таких атомов), с отрицанием историософии и исторических закономерностей и, по большей части неявным, а в начале и в конце двухтомника — декларативно-заклинательным подведением читателя к выводу о западном обществе как лучшем из возможных за всю историю человечества, идеальном образце для остальных. При этом, по самопрезентации автора (на что мы уже обращали внимание), пронизывает все построения двухтомника, «методологический номинализм» (органиче-

³⁰ Там же. С. 194-197, 222.

³¹ *Поппер*. Указ. соч. Т. I. С. 7-16; *Садовский*. Указ соч. С. 203; *Пригожин, Стенгерс*. 2000. С. 26.

ски связанный с неопозитивизмом, по Э. Ильенкову); «вызовы» Аристотелю, Гегелю, Марксу, Ньютону и т.д. предстают как участие в сокрушении «классики». Подчеркивание же в последний период деятельности *иррациональности* и *индетерминизма* реальности (в том числе и особенно — исторической), действия закона *естественного отбора в мире идеальном — духовном* (человеческого общества), неких непонятной природы «*предрасположенностей*» и других загадок, вроде «*эпистемологии без познающего субъекта*» при категорическом отрицании «онтологического» и сосредоточенности на «*ситуативном*», — все это объективно воспринимается вполне комплиментарным (или предкомплиментарным) постмодернистским интенциям. И, наверное, есть связь между исчерпанием конструктива индустриализма — модернизма — экономической общественной формации — эпохи естественной необходимости³², с одной стороны, и позитивизма — неклассики во всех их превращениях, с другой. И в случае отсутствия самопреодоления — качественного прорыва на новый виток развития или к новой парадигме, исход: постмодернизм и как тип рациональности (в том числе научной), и как бытийственная эпоха (эпоха распада, деконструкции-деструкции, атомизации, виртуализации — тяжелейшего познавательного и онтологического социально-гуманитарного заболевания)³³.

Между тем, если вернуться к «неоклассической» линии развития науки, то в этом случае следует повторить и добавить, что и на физическом и на гносеологическом уровне возмущали и взрывали порядок

³² См. у В. И. Вернадского: «Настало время, когда мысль стала средством формирования действительности» (Баранцев. 2003. С. 118).

³³ Как отмечается в отечественной литературе, постмодернизм в целом не может оцениваться однозначно в силу хотя бы изначального его пафоса как тотальной критики Системы — буржуазного общества, фигуры веберовского буржуа-накопителя, репрессорирующих, подавляющих личность. Отсюда противопоставление всесильной тотальной Системе, репрессорирующему Целому «свободной чувственности молодежного бунта» и т.д. Однако, как пишет А. Лапшин, «не оказалась ли репрессивная система, которую "левые" принимали за мировое зло, лишь переходным этапом к чистому социал-дарвинизму? И не оказалось ли тогда разрушение сдерживающих механизмов невольной помощью самой Системе?». См., кроме того, соображения по постмодернизму «позднего» А. С. Панарина, доказывающего, что «подрыв *логоцентризма*» как раз и «превращает человека в легко управляемое существо» и т.д. (Лапшин. 2004. № 3(530). С. 3; Он же. 2004. № 15 (542). С. 4; Панарин. 2002. С. 68-69 и др.).

явления, связанные более всего с «парадоксом времени». Достаточно сослаться 1) на рассматриваемую авторами «Времени, хаоса и кванта» ситуацию принципиального, тотального отрицания *необратимости* крупнейшими представителями великой естественнонаучной революции, 2) на такое обстоятельство, как «наблюдатель», который в «неклассике» (видимо, отчасти и в «неоклассике» и каких-то промежуточных вариациях, а в общем, от начала XX в. до появления синергетики) оказывается ответственным за необратимость — «стрелу времени» — событие; и в то же время 3) на *экспериментальность* (вот он — реалистический феномен «наблюдателя») как условие становления «классической» физики, сквозное условие существования естествознания вообще, притом что любой акт измерения означает *необратимое* взаимодействие с миром и вместе с тем — необходимый этап, момент, условие в его познании. Следовательно, отрицание объективного статуса *необратимости*, если придерживаться точного смысла этого отрицания, отрицает саму возможность экспериментального познания — начала современного научного знания, науки. И не удивительно в этой связи (из-за отрицания необратимости) Эйнштейново изумление самим фактом познаваемости объективного мира. «Самое большое чудо, утверждал /он/, единственное, чему следует удивляться, заключается в том, что наука вообще существует», что познаваемость есть факт. И потому вполне оправданной оказывается неожиданная для не специалистов характеристика Пригожиным науки от Ньютона «и даже ныне» как «науки нового Моисея, которому *явлена* истина мира», «науки, постигающей по *наитию* тайны мироздания», во всяком случае, науки с демонами Лапласа, Максвелла, Богом детерминизма Рене Тома и Богом Эйнштейна. Как и оправданна его (Пригожина) едва ли не саркастическая реплика, гласящая: «... если эта познаваемость, столь высоко ценимая Эйнштейном, означает отрицание именно того /необратимости/, что делает её возможной ... то мы имеем дело не с чудом /как полагал Эйнштейн/, а с абсурдом!»³⁴.

Последующие открытия в области астрофизики, математики и квантовой физики предельно обострили проблему необратимости — «стрелы времени». Скажем, космологические фундаментальные уравнения Эйнштейна (теория относительности) выглядели, по его собст-

³⁴ Пригожин, Стенгерс. Указ. соч. С. 42-43; Они же. 2000. С. 76-77.

венной оценке, как «здание, одно крыло которого выстроено из мрамора», зато другое — «из дешевого дерева», к тому же, добавим, — с подпоркой — «граничным условием», требующим сведения уравнений Эйнштейна к уравнениям Ньютона. Статическая, атемпоральная эйнштейновская модель Вселенной в итоге нуждалась в так называемой *космологической постоянной*. Однако «корректирующее» Эйнштейна доказательство А. А. Фридмана (1922 г.), не требующее никаких «подпорок», привело к «рождению понятия “возраст” Вселенной» — пишет И. Пригожин, правда, с неистребимой классической обратимостью во времени, зафиксированной в теории относительности³⁵. Череда последующих открытий, и главное — открытие предсказанного почти за 20 лет до того знаменитого реликтового излучения в 1965 г. «поставило физику перед лицом величайшего кризиса», поскольку «идея рождения Вселенной перешла из области абстрактных математических умозаключений в область физической реальности»³⁶. И оказалось, что, несмотря на тончайшие ухищрения — описание истории Вселенной примерно через 10^{-35} секунд после Большого Взрыва (т.н. «инфляционная модель»), добраться с помощью атемпоральной неоклассики-неклассики к самому моменту рождения Вселенной и избавиться от «космологического парадокса» невозможно³⁷. Только синергетика с её «легализацией», включением во все уровни физического мира необратимости — «стрелы времени», через неустойчивость — хаос (а не Большой Взрыв), несводимость, нелинейность смогла предложить «самосогласованную» космологическую модель, снимающую эти проблемы, признающую за Вселенной и возраст, и «стрелу времени», включающую факт — процесс рождения материи и кривизны пространства-времени³⁸.

Причем синергетика оказалась мощным обобщением всех предыдущих этапов развития физики, общих проблем естествознания, разработок социально-гуманитарных наук, философии. И в частности, в синергетической космологии — вовсе не по дарвиновскому закону естественного отбора с «поеданием» — уничтожением — отбрасыванием «неудачников» (как у К. Поппера), но абсолютно в соответствии с давней отечественной системно-кооперационной

³⁵ Они же. 2001. С. 189,190-191; Стёпин. 2003. С. 646.

³⁶ Пригожин, Стенгерс. 2001. С. 185-186.

³⁷ Там же. С. 194-195.

³⁸ Там же. С. 203-208, 220.

концепцией (Л. И. Мечникова, Н. Я. Данилевского, Н. Ф. Фёдорова, П. А. Кропоткина, В. И. Вернадского, А. А. Богданова, П. К. Анохина, Л. Н. Гумилева), «стационарная» и «стандартно-инфляционная» модели Вселенной, и «пустая Вселенная Минковского» нашли свои реалистические ниши: пределы, уровни применимости. Поскольку, повторим мечниковское: даже «в биологическом мире не всё можно объяснить из законов борьбы за существование». Более того, по Л. И. Мечникову, именно «способность образовывать союзы, общности есть двигатель биологического совершенствования, а не конкуренция». И как подчеркивает сегодня Г. А. Заварзин, «суть естественного отбора ... не в вытеснении путём конкуренции, а в соответствии элемента большой системе»³⁹.

Видимо, можно признать, что широкое эволюционистское увлечение в мире науки второй половины XX – начала XXI в. имеет свои издержки в виде «узкодарвинистской» трактовки эволюции. Не случайно И. Р. Пригожин оговаривает необходимость вычленения параметров «истинной эволюции», где, в частности, наличествует событие, способное изменять ход эволюции.

Возникает некоторый эффект отторжения, когда при определении постнеклассики внимание акцентируется на эволюционизме. Наверное, точнее все-таки акцентация на «стреле времени» — историзме. Тем не менее, проблему «стрелы времени» = историзма — центральную в становлении синергетики, а потому и постнеклассики, В. С. Стёпин как-то обходит, почти не фиксирует на протяжении шести глав, а в седьмой (собственно постнеклассической) обращается к ней где-то с середины главы. И потому «парадокс времени», «квантовый» и «космологический» парадоксы — проблемное поле, комплекс проблемных ситуаций, инициировавших становление синергетики, не обнаруживаются в книге сколько-нибудь рельефно. Изложение ситуации в квантовой физике в этой связи выглядит определенно иначе, нежели в интерпретации И. Пригожина и его коллег. А очень тщательный анализ поисков Нильсом Бором идеализированных способов «измеримости квантованного поля излучения» нацелен на доказательство того, что «идеализированные измерения, построенные в соответствии с реальными особенностями квантово-механических и квантово-релятивистских экспериментов, должны выявлять объективные

³⁹ Кроме того, см.: Чуринов. Указ. соч. С. 75, 81; Пустильник. 1990; Проблемы системности в истории 1994. С. 9-29, 38-45.

характеристики процессов в атомной области». В общем, создается полное впечатление решенности, снятия таким образом проблем-парадоксов в квантовой физике⁴⁰.

Однако в работе И. Пригожина и И. Стенгерс «Время, хаос, квант» не случайно целая глава названа: «О чем говорит и о чем умалчивает квантовая механика», и ещё две главы посвящены этой проблеме, а в целом — решению «парадокса времени». Пригожин пишет: «Так называемая копенгагенская интерпретация, существующая в многочисленных вариантах (при высочайшей её оценке — оценке позиции Н. Бора — В. С. Стёпиным), пыталась разрешить квантовый парадокс. Согласно этой интерпретации, квантовые системы обладают... свойствами, только когда эти свойства *измерены*»⁴¹. Собственно, уже здесь очевидна субъективизация подхода. Однако, Пригожин абсолютно корректен, и потому отмечает, что «копенгагенская интерпретация» просто «не имеет ответа» на данный вопрос. Специально бельгийские синергетики подчеркивают, что для Нильса Бора «измерительный прибор... должен быть промежуточным звеном между законами квантовой механики... и миром классической физики». Однако, как замечает Пригожин, «Бор умолчал... каким образом можно... получить динамическую систему, которая была бы определена в терминах квантовой теории, но выполняла бы посредническую миссию между микроскопическим и макроскопическим уровнями». «Нильсу Бору так и не удалось, — подчеркивает нобелевский лауреат, — точно указать связь, существующую между измерением и необратимостью. Для Бора *коллапс волновой функции* (т.е. неклассическая интерпретация — В. Ш.), был составной частью квантовой физики». Он не смог дать «реалистическую картину такого коллапса»⁴².

Только синергетики («пригожинцы» и отечественные «нелинейщики» из Института прикладной математики им. М. В. Келдыша, прежде всего С. П. Курдюмов) обеспечили объективистскую — реалистическую интерпретацию вероятностей. «Квантовый хаос, а не акт наблюдения, опосредует наш доступ к Природе» (пишут Пригожин и Стенгерс), и в итоге реальная «временная эволюция хаотической системы трансформирует волновые функции в ансамбли /вероятностей/» без всякого «коллапса волновой функции», требующего «наблюдате-

⁴⁰ См.: Стёпин. 2003. С. 432-502; 394-395.

⁴¹ Пригожин, Стенгерс. 2001. С. 132-134; Стёпин. 2003. С. 460.

⁴² Пригожин, Стенгерс. 2001. С. 183.

ля». Одновременно разработанный отечественными «нелинейщиками» аппарат математического описания «режимов с обострением в нелинейных средах» оказался продуктивным «в приложении к квантово-механическим задачам... и позволил дать объяснение квантованию как выражению /объективных/ свойств нелинейной среды»⁴³.

По выводам Пригожина-Стенгерс, «парадокс времени занимает центральное место в квантовой теории», притом что появление самой квантовой теории «было воспринято как триумф *обратимого* во времени описания, *исключающего события*». Эта атемпоральность ортодоксальной квантовой физики требовала «введения в теоретическую схему *субъективного* элемента, ориентированного на наблюдателя», что удалось исключить внутренне «темпорализованной» синергетике. «Научная объективность утрачивает смысл, если она в конечном счете объявляет нашу взаимосвязь с миром чем-то призрачным, низведя её до уровня “чисто субъективной”, “чисто технической” или “чисто инструментальной”... В нашем подходе, — отмечают авторы, — измерение не играет более никакой особой роли... мир следует одним и тем же законам с измерениями или без измерений... события происходили бы, даже если никакого наблюдателя не было бы»⁴⁴.

«С позиций возникновения порядка из хаоса, — признает В. С. Стёпин, — принципиальная статистичность предсказаний квантовой механики предстает уже не как результат активности наблюдателя..., а как выражение существенных характеристик самой природы». Одновременно переход на позиции реализма — признание «существования непрекращающихся взаимодействий... существенных большинству физически важных реалистических ситуаций... является основным условием альтернативной, оперирующей непосредственно с вероятностями, формулировки /и/ классической.../и/ квантовой механики... позволяет слить в единое целое динамику, статистическую механику и термодинамику»⁴⁵. Неустойчивость — хаос, нелиней-

⁴³ Как сообщается в коллективном труде «Синергетика и прогнозы будущего», речь идет о разработках в рамках «научной школы академика А. А. Самарского в ИПМ АН СССР и на ВМК МГУ новых парадоксальных представлений синергетики, связанных с изучением... развития в нелинейных средах режимов с обострением» (Капица, Курдюмов, Малинецкий. 2001. С. 43), — в итоге речь о теории нелинейных сред с положительной обратной связью.

⁴⁴ Пригожин, Стенгерс. 2001. С. 14, 43, 99-100, 134-135, 184.

⁴⁵ Стёпин. 2003. С. 404; Пригожин, Стенгерс. 2001. С. 152, 165.

ность — «ансамблевый» подход — несводимость — вероятностность, открытость — положительные обратные связи — взаимодействия, становление — событийность — необратимость (историзм), обнаруживаются синергетикой у самых истоков, корней физической — вообще объективной реальности через соединение интерпретаций микромира с космологическими представлениями. Всё это — параметры, свойства сложноорганизованных систем с их внутренними тенденциями самоупорядочения и саморазвития, притом что наиболее сложные из них, способные к самопреодолению, самовозрастанию, — человеческие системы, социумы, человечество. Последнее же давно предчувствовалось, фиксировалось в восточно-христианской, позднее русской религиозно-философской и художественной (да и научной) мысли (ср. с идеями продолжающегося миротворения и антропогенеза, ноосферы и движения через эпоху осознанной необходимости к «царству Свободы») представлениями о всемирно-историческом процессе как предельно существенной, единственной возможности самореализации человека — народа — человечества, как единственно возможного пути теодицеи через антроподицею, притом что «жизнь каждого человека на Земле есть момент абсолютного Бытия»⁴⁶ (одновременно см. западные оценки марксизма, советской идеи как идеи спасения посредством истории) и т.д.⁴⁷

В целом же можно сказать: последовательная диалектичность — «объективная диалектика» — прямая связующая, выводящая на постнеклассику.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баранцев Р. Г.* Синергетика в современном естествознании. М., 2003. 144 с.
Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. 383 с.
Бранский В. П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // *Общественные науки и современность.* 1999. № 6. С. 116-127.
Бранский В. П. Теоретические основания социальной синергетики // *Петербургская социология.* 1997. № 1. С. 148-179.
Ивин А. А. Историзм // *Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина.* М., 2004. С. 338-340.
Катица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. 2-е изд. М., 2001. 288 с.

⁴⁶ *Бердяев.* 1989. С. 24, 128, 141, 173.

⁴⁷ *Тойнби.* 1992. С. 566; *Он же.* 2003. С. 231,51

- Латишин А.* Исчерпанный дискурс // ЗАВТРА. 2004. № 3(530). С. 3.
- Латишин А.* Пирамида и круг // ЗАВТРА. 2004. № 15 (542). С. 4.
- Маньковская Н. Б.* Деконструкция // *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 214-216.
- Маньковская Н. Б.* Постмодернизм // *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 668-670.
- Никифоров А. Л.* Мах (Mach) Эрнст (1838–1916) // *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 483-484.
- Никифоров А. Л.* Поппер Карл Раймунд // *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 666-667.
- Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. 496 с.
- Панченко А. И.* Научный материализм // *Современная западная философия: Словарь*. М., 1991. С. 193-195.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2-х тт. М., 1992. Т. I. 448 с., Т. II. 528 с.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. 2-е изд. М., 2000. 312 с.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / Пер. с англ. / Под ред. В. И. Аршинова. 3-е изд. М., 2001. 240 с.
- Проблемы системности в истории отечественной науки и философии: научно-аналитический обзор / д-р филос. наук Л. Э. Венцовский и др. М.: ИНИОН РАН, 1994. 67 с.
- Пустильник С. Н.* Истоки системной мысли А. Богданова / Ин-т истории естествознания и техники АН СССР. Препринт. М., 1990. 30 с.
- Садовский В. Н.* Карл Поппер и Россия. М., 2002. 280 с.
- Смирнов В. А.* К. Поппер прав: диалектическая логика невозможна // *Вопросы философии* 1995. № 1. С. 148-151.
- Степин В. С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2003. 744 с.
- Философский словарь* / Под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М., 1986. 590 с.
- Чуринов Н. М.* Совершенство и свобода. 3-е изд., доп. Новосибирск, 2006. 709 с.
- Юлина Н. С.* Научный материализм // *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 551-552.
- Юлина Н. С.* «Эмерджентный реализм» К. Поппера против редукционистского материализма // *Вопросы философии*. 1979. № 8. С. 96-107.

Шепелева Валентина Борисовна, к.и.н., доцент кафедры Современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; VShepel@rambler.